

САМООБОСНОВАНИЕ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В.А. СУЛИМОВ

Предлагаемые заметки являются продолжением темы когнитивного самоощущения и самообоснования человека в интеллектуальном пространстве постсовременности, начатой статьями в ФН за 2008 и 2009 гг.¹

Самообоснование человека-в-культуре как особый род когнитивно-интеллектуальной и аксиологической деятельности имеет постоянный, непрерываемый характер и составляет (вместе с усилиями по социальному устройству мира) существо интеллектуальной истории. Любая последовательно построенная история развития моделей и форм сознания, состоящая фактически из пересмысленных фрагментов отдельных «индивидуальных» интеллектуальных историй или историй самостроительства индивидуальных сознаний существует в виде набора текстов разных жанров и типов, основным из которых (наиболее информационно емким) является литературный текст. Именно литературный текст сохраняет и воспроизводит в наибольшей степени когнитивные характеристики индивидуального сознания не только как феномен культуры вообще, но и как собственно антропологический феномен².

В текущую эпоху под воздействием литературного «вала», электронных СМИ и Интернета сложилась ситуация «большого скачка» в когнитивном статусе личности³. Этот скачкообразный переход представляет собой переход к активным способам понимания. Он связан с резкими изменениями структуры языкового сознания, вынужденного увеличивать свой интерпретационный ресурс за счет концентрации и парадоксализации компонентов знания, новых технологий текстовой деятельности (управления *пониманием*), использования гипертекстовых «знаниевых» структур, усиления эмоционально-символических средств воздействия. Главные когнитивные проблемы (*понимания и интерпретации*), обычно связанные с нарушениями герменевтических процедур, все больше выходят за рамки герменевтики – в социокультурное пространство. Комбинации модифицированных утверждений покрывают все пространство современной текстовой деятельности, участники которой «обмениваются» не когнитивно-обоснованны-

ми интерпретациями, а утверждениями с опущенными информационными и аксиологическими составляющими⁴.

Тенденция увеличения логико-когнитивной неоднозначности высказывания/текста отмечалась еще Л. Витгенштейном в его размышлениях о предельных случаях тавтологии и парадокса (своеобразной языковой презентации истинности). Л. Витгенштейн показал основные директории реализации смыслов (тавтологическую, или *идеологическую* и парадоксальную, или собственно *креативную*), в пространстве *Между* которыми (в пространстве противоречия) размещаются возможные текстообразующие (осмысленные) высказывания⁵.

На невозможность построения тождественной системы «смысл – текст», в которой совпадали бы знаки, их референты и дескрипции, указывал С. Крипке. Он обратил внимание на парадокс, когда несинонимичность имени и дескрипции имени приводит к ситуации «множественности определений». Тогда для определения десигнатора и дескриптора необходима *интерпретация признаков*, имеющих случайный характер в силу стремительно расширяющегося интертекстуального («знаниевого») пространства. Другими словами, в сфере коммуникации (а, значит, в литературном тексте) происходит естественная инициация *непонимания* – одного из наиболее распространенных когнитивных актов современности. Для «правильного, истинностного» восприятия текста становится неизбежной его стандартизация, роль которой часто играет идеология как установленная (данная) модель когнитивной трансформации «смысл – текст». Парадокс истинности/ложности делает, кроме всего прочего, парадоксальным сам процесс поиска истинностного (стандартного, закрепленного) смысла⁶.

Для субъекта современной культуры *стремление к пониманию* становится когнитивной проблемой, и, одновременно, комплексом действий по компенсации «недостатка в реальности». Индивидуум вынужден заниматься перманентным культурным самостроительством: моделированием мира-для-себя, созданием/воссозданием модели мироустройства, разрушающейся под воздействием информационного пресса. Выбранная им модель должна компенсировать усиливающийся когнитивный дискомфорт. Она должна быть удобна не только для восприятия мира, но и для моделирования своей позиции в мире в соответствии с быстро меняющейся ситуацией⁷.

Поэтому проблема интеллектуального самоопределения системно связана с *новизной*, выражающей себя в виде попыток креативного восприятия мира и способностью найти соответствующий «язык представления знания». Не только литературное творчество, но и повседневная коммуникативная деятельность стали напоми-

нать процесс текстопорождения с заданными свойствами, отражающими *ситуации когнитивного погружения*: (а) ситуацию погружения в бытие через эпистемологически построенный мир (мир – Эпистему), (б) ситуацию погружения в бытие через креативно построенный мир (мир – Модель), (в) ситуацию погружения в мир через субъектно построенный мир (мир – Я), (г) погружения в континуальный мир смыслов (мир – Языковой континуум).

Ситуации когнитивного погружения (добровольного или вынужденного, насильственного) требуют не только самостоятельных и осознаваемых интеллектуальных усилий, но и практических действий по вхождению в когнитивно-семиотические общности (глобальные, групповые, профессиональные, образовательные). *Человек-в-культуре* как субъект самоопределения осуществляется, выстраивается, само-осмыляется и само-активируется в точках *актуализации*. Их можно схематизировать в последовательности *Узел интеграции* (человек-в-культуре) – *Система миров* (мир – Эпистема /мир – Модель/ мир – Я/ мир – Языковой континуум). Полученная схема будет не только отражением когнитивно-логического или образовательно-референциального аспекта самообоснования личности, но и, в силу информационного характера эпохи, – социокультурного самоопределения личности.

При этом происходит предсказанная Ю.М. Лотманом интеграция человека в текст: человек-в-культуре – главная фигура процесса порождения/восприятия текста и *понимания* смысла – оказывается внутри текста, проявляясь как интеллектуальная *воля к интеграции*, закрывающая, компенсирующая исторически сложившийся когнитивный зазор (разрыв *Между*), проявляющий себя как *невозможность понять текст*. Именно поэтому новую основу само-бытия личности составляет, но нашему мнению, сознательная интеллектуально-интегративная деятельность, в которую идея само-определения и само-строительства уже включена. Человек-в-культуре, представленный как воля к интеграции миров существования своего сознания, есть энергетический ступок (реактор) не только когнитивно-интеллектуальных усилий по преодолению энтропии мира через его осмысление, но и нравственных усилий по личностному *принятию смыслов, преодолению духовной инертности сознания*, включению обязательной аксиологической доминанты в состав интегративного суждения⁸.

Скачок в когнитивном статусе личности, позволяющий использовать индивидуальное сознание в виде «реактора смыслов», постоянного информационного датчика оказывается серьезным препятствием для человека массы – массовой культуры, повседневного опыта, линейной логики и семантики стандарта. Это обусловлено целым рядом причин, главная из которых, на наш

взгляд, — ощущение страха перед информационной глобальностью, резким увеличением объема и изменением способов «упаковки» информации, «взрывной» сменой кодов культуры. Новое ощущение страха смерти — чувство разрыва *Между* — приводят повседневное и даже интеллектуальное сознание к полной или частичной автоблокировке, отказу от аналитических и иных мыслительных операций, автоматическому использованию консервативных, стандартизирующих (нон-креативных), идеологических (мифопоисковых) и иных защитных действий. Происходит (хорошо наблюдаемое в литературных текстах) возрастание ощущения информационно-интеллектуального и нравственно-аксиологического бессилия, чувства «выхода ситуации из-под контроля», возникновение апперцепции неудачи, трагического исхода, препятствующей процессу познания, понимания: «Человек способен познавать истину, способен любить, но если ему — не телу его, а ему как целостной личности — угрожает превосходящая его сила, если он при этом испытывает страх и ощущает себя бессильным, тогда и его разум подвергается всем этим неприятным воздействиям, функции его расстраиваются и парализуются»⁹. Ощущение исчезающей реальности, вхождения в *Иной мир* без прекращения бытия, интеллектуального и чувственного самонаблюдения распада личности обладает *когнитивно-наркотизирующим* воздействием, *интрасуггестией*, взламывающей и деформирующей процесс социокультурного самоопределения личности.

Испытывая сопротивление предельно усложненного интеллектуального пространства и действие разрывных тенденций в сознании, индивидuum осуществляет неполную, «рваную» самоидентификацию в интеллектуальном пространстве современности. «Новая» экзистенциальная (интеллектуальная) венаходимость реализуется в двух основных способах, которые можно назвать *не-самоидентификация* и *само-не-идентификация*. В первом случае (не-самоидентификации) речь идет о таком способе самоидентификации, при котором индивидuum формирует свой идентификационный образ в культуре (идентификационный код) в рамках коммуникативно-когнитивного стандарта, «чужого текста». Из общей схемы самообоснования личности удаляется фундаментальный элемент Мир-Я (пространство субъектности), что приводит к деформации трех остальных элементов, выхолащиванию из них деятельностной, смысловой и аксиологической сторон. Процессуальная **схема социокультурного не-самоопределения личности** принимает следующий вид. *Узел интеграции* (человек-в-культуре) деградирует до позиции в социальной структуре, до «места бытия»; *Система миров* (теперь трехчастная) деградирует до инструкции, сценария, бреда или фарса вместо интеллектуально насыщенного

Мира-Эпистемы, до повседневной технологической (заданной) деятельности вместо креативного Мира-Модели и до директивного словаря вместо изменчивого Мира-Языкового континуума.

Не-самоопределение личности, как мы думаем, есть сознательный или бессознательный *отказ от когнитивного скачка* на любом этапе индивидуальной биографии, что означает одновременный отказ от нарратива интеллектуальной жизни, преобразующегося в *нарратив присутствия, наблюдения, со-стояния*. Результат такой тавтологической по существу деятельности обязательно теряет информационную новизну, активность индивидуума уходит из пространства социального в пространство гедонистического, мистического, виртуального проживания времени, семиотическая деструкция личности становится неизбежной. Само-сознание преодолевает барьер Чужого, входит и разделяет себя с мирами отчуждения, фантазии, абстракции и, в конце концов, абсурда.

Позиция само-не-идентификации образуется в результате исключения из структуры интеллектуального бытия (повседневной интеллектуальной деятельности) процедуры моделирования мира, самостроительства мира (дома человека-в-культуре). Этот отказ от моделирования мира (означающий отказ от какого бы то ни было плана-мотива индивидуальной креативной деятельности), есть, как правило, отказ сознательный, он означает *уход*, социально-культурное самоустранение. Занимая позицию самосохранения, индивидуум переносит активность из социальной в повседневно-бытовую сферу, из системы метафоризированных сложных текстов культуры в систему картинок (иллюстраций, фрагментов, схем и метонимических обобщений). Проявление само-не-идентификации в художественном творчестве выражает себя в создании текстов «вторичности», прекращении производства сложных смыслов в угоду легко «читаемым» значениям, в науке – в выдвижении гипотез, не имеющих интеллектуальной новизны, в переходе от фундаментальных к прикладным, периферийным, классификационным и уточняющим исследовательским действиям. Позиция само-не-идентификации выдвигает особый общественный субъект – персонаж-симулякр, пародирующий личность, отказавшийся от права выбора (всегда налагающего бремя ответственности). Наступает семиотический ступор, прекращающий производство/воспроизводство знаковых систем и, следовательно, порождение текстов культуры (социально-культурный семиозис). Процессуальная **схема социокультурного само-не-определения личности** принимает следующий вид: *Узел интеграции* (человек-в-культуре) деградирует до информационного прагматического канала «обеспечения существования в...», а *Система миров* (вне креативного поля модельности) интегрируется, «схлопывается» в гипертрофированном язы-

ковом поле высказываний-мнений, создающем основу бесконфликтности, позитивности и социальной рутинности.

Современные литературные тексты достаточно точно реагируют на результаты самоидентификационной практики человека постсовременности, интериоризируя интеллектуальное и чувственное в структуру и смысл, создавая новое – логико-когнитивное – измерение художественной практики.

Герой романа *Д. Глуховского* «Сумерки 2012», профессиональный переводчик, увлеченно работая над переводом наполненной мистикой исторической хроники, трансформируется в действующее лицо этой хроники, а затем – в элемент сознания умирающего больного. Эта двойная трансформация – ассоциативно-образный вариант *не-самоидентификации*, «отчуждения от...». Само-навязанная игра отчуждения вполне удается – герой остается на границе *Между* (бытием и не-бытием) в состоянии бесконечного ожидания: «Человеку, приходящему в мир на срок лишь немного более долгий, чем тот, что отведен бабочке-однодневке, дано схожее с ней утешение: легкомыслие и неведение. Эта нелепая иллюзия бессмертия – все, что ему предложено взамен отнятой вечной жизни в райских кущах»¹⁰.

Иной способ отказа от самоидентификации – само-не-идентификацию – выбирает герой романа *А. Кабакова* «Беглец». Форма сознательного не-бытия, представленная как выход-в-безысходность, своеобразный переход из жизни в со-жительство с неперсонифицируемыми *Иными* в точке разрыва свободы и ответственности весьма точно соотносится с названием романа. Крах России 1917 года оказывается предопределен массовым социальным явлением само-не-идентификации, что хорошо отражается в истории героя, «соскальзывающего» в не-бытие через сознательный отказ от нравственного выбора: «Боже, почему все несчастны рядом со мною? Почему все вообще несчастны вокруг? Почему в пропасть падает бедная наша Россия, почему тянет она за собою – в этом я не сомневаюсь, весь мир? Да ведь знаю, почему. Даром только богохульствую. Потому что таких, как я, с усталыми душами, живущих не по заповедям и не в неведении заповедей, а пренебрежении ими, в прощении, данном себе за все грехи сразу и наперед, – таких стало много и становится все больше. И это мы все губим»¹¹.

Варианты самоидентификации, их когнитивно-семиотические особенности парадоксальны, но неустранимы. Они хорошо усвоены современным литературным текстом, выступая в виде одного из блоков их метафорически-образной интеллектуальной платформы. Сочетание объективно существующих вариантов самоидентификации личности в интеллектуальном пространстве современности создает то системное разнообразие, которое всегда характеризует *живой* и потому *развивающийся* мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Сулимов В.А. Персонологическая вертикаль и тексты постсовременности // *Философские науки*. 2008. №12; Сулимов В.А. Персона как вызов // *Философские науки*. 2009. № 12; Люсый А.П. Бренд и трофей//*Философские науки*. 2009. №3.
- ² См.: Кондаков И. От истории литературы к поэтике культуры // *Вопросы литературы*. 1997. № 2. – С. 49.
- ³ Воздействие СМИ и Интернета ощущается повседневным сознанием не только (и не столько) как информационный источник, но как «информационный пресс», обладающий громадной избыточностью.
- ⁴ Информационная и ценностная пустота хорошо видна в «коммуникации» участников блогосферы.
- ⁵ См.: *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Серия «Памятники философской мысли». – М.: 2008. – С. 123, С. 126
- ⁶ См.: Крипке С. Тождество и необходимость // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIII /под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Радуга, 1982. – С. 365.
- ⁷ См.: Пузько В.И. Необходимость и возможность множественности способов понимания текста и самопонимания человека в современном культурном контексте // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. №2 (45). 2009. – С. 77.
- ⁸ См.: Егоров А.Д., Егоров И.Д. Феномен возникновения: От реальности к смыслу. – М.: Изд-во физико-математической литературы, 2009. – С. 457.
- ⁹ Фромм Э. Человек для самого себя. Революция надежды. Душа человека. – М.: АСТ, 2009. – С. 697. Интересно, что этот вывод, сделанный Э. Фроммом для ситуации политического и социального давления, политического тоталитаризма оказался справедливым для информационного тоталитаризма, его мощного возмущающего воздействия на структуры индивидуального сознания.
- ¹⁰ Глуховский Д. Сумерки 2012. – М.: Астрель, 2010. – С. 377.
- ¹¹ Кабаков А. Беглец. Дневник неизвестного. – М.: АСТ, 2009. – С. 94.

Аннотация

Статья посвящена проблеме самоидентификации личности в интеллектуальном пространстве современности. Высказывается идея эпистемологического сдвига, приводящего к парадоксальным формам самоидентификации. Формируя новую логику понимания себя, человек изменяет когнитивные параметры сознания.

Ключевые слова:

эпистемологический сдвиг, самоидентификация личности, человек-в-культуре, интеллектуальное пространство.

Summary

Social dynamics of culture as for nowshows signs of desintegration and increasing of entropic processes. It is related to the features of distraction of semiosis (to cognitive models, deformation of logic and value priorities).

Keywords:

cognitive models, identity, culture, person.